

УДК 316
DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.5

**ТРЕТЬЯ ГЕНЕРАЦИЯ
МОЛОДЕЖНЫХ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹**

**THE THIRD GENERATION
OF THE YOUTH EXTREMIST
ORGANIZATIONS
IN THE RUSSIAN
SOCIETY**

Сериков Антон Владимирович

Кандидат социологических наук,
доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aserikov@inbox.ru

Anton V. Serikov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
South Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: aserikov@inbox.ru

В представленной статье исследуется феномен третьей генерации молодежных экстремистских организаций, которые по сравнению с организациями первой (90-е гг. XX в.) и второй (2001–2009 гг.) волн характеризуются организационными и деятельностными инновациями.

1. Сделан вывод о том, что третья генерация молодежных экстремистских организаций представляет динамичные мобильные структуры, включающие ядро профессиональных активистов и корпус сочувствующих участников по принципу нерегулярного участия, что создает сложности по мониторингу деятельности и оценке реального состава.

The article examines the phenomenon of the third generation of youth extremist organizations that, in comparison with the organizations of the first (90th of the XX century) and the second (2001-2009) "waves", is characterized by the organizational and activity innovations.

1. It is concluded that the third generation of youth extremist organizations represents the dynamic mobile structures, includes the core of professional activists and the corps of sympathetic participants with irregular participation. It complicates the monitoring activities and assessing the actual membership.
2. The youth extremist organizations of the third generation use the resources of net-

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 16-33-01131-ОГН «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

2. Исходя из этого вывода, можно констатировать, что молодежные экстремистские организации третьей генерации используют ресурсы сетевых технологий и на основе сетевых контактов реализуют кратковременные проекты дестабилизации на локальном и региональном уровнях, создавая системный дестабилизирующий эффект.

3. Реализуя стратегии ребрендинга, перехвата инициативы, экстремистские организации примыкают и навязывают репертуар протестных действий участникам неполитических массовых акций, что делает необходимым переформатирование антиэкстремистской направленности государственной молодежной политики на создание групп антиэкстремистского реагирования и использования самоорганизации молодежи для реализации контрпроектов, способных перевести массовые неполитические акции в режим функционального доверия между властью и группами интересов молодежи.

Ключевые слова: молодежные экстремистские организации; институциональное доверие; малые группы; сетевые технологии; коллективные действия; неформальные регуляторы; внесистемные политические акции.

work technologies and, on the basis of network contacts, implement short-term destabilization projects at the local and regional levels, that create a systemic destabilizing effect.

3. By the rebranding strategies and intercepting initiatives, the extremist organizations join the nonpolitical mass actions and impose the protest actions repertoire. It determines the necessary to redesign the anti-extremist orientation of the state youth policy toward the creation the anti-extremist reaction groups; to use the youth self-organization to implement the counterprojects, capable to transform the mass nonpolitical actions into the tool for functional trust between the authorities and the youth interest groups.

Keywords: youth extremist organizations; institutional trust; small groups; network technologies; collective actions; informal regulators; stand-alone political actions.

Введение

Молодежные экстремистские движения занимают маргинальное положение, находятся в стороне от политического мейнстрима российского общества, но негативное, дестабилизирующее воздействие на общественно-политические процессы очевидно. Это выражается в том, что молодежный экстремизм заявляет о себе не только в периоды массовых манифестаций (марши националистов, несогласных), но и включением в массовые социально-политические и этнополитические конфликты, внешне воспринимаемые как стихийные. На протяжении постсоветской истории молодежный экстремизм испытывал взлеты и падения, но сохранял присутствие в молодежной среде, демонстрируя адаптивный потенциал, способность к изменениям в политико-правовой, социальной и культурной сферах жизни российского общества.

Разумеется, проблему нейтрализации, а тем более искоренения молодежного экстремизма нельзя решить исключительно административно-правовыми методами, хотя правовая политика государства, если

характеризуется последовательностью, открытостью и адекватностью, приносит ощутимые результаты по ограничению влияния экстремизма в настроениях молодежи, локализует очаги экстремистского поведения и нарушает преемственность в развитии экстремистских движений. Поэтому нельзя согласиться с тем, что российская правовая система снисходительна по отношению к группам политического и националистического экстремизма. Другое дело, что молодежные экстремистские движения обладают гибкостью организационных форм, осуществляют политику ребрендинга в целях легализации и легитимации, ослабления социального и правового контроля над их деятельностью.

При этом в центре внимания российского общества находится проблема политического представительства молодежных экстремистских структур, их участие во внесистемных политических акциях, и не обращается внимание на тот факт, что в нынешней ситуации молодежный экстремизм и экспандирует в интернет-пространстве, и подключается к участию в социальных деполитизированных акциях, втягивая ее участников в конфликт с властными структурами. За примерами не приходится далеко ходить: в протестных акциях экологической направленности, в действиях обманутых дольщиков, религиозных активистов, движений против мигрантов и т.д. воспроизводится матрица экстремизма, готовности к совершению противоправных насильственных действий, переводу конфликтов из режима правового регулирования в открытое противостояние с локальными и федеральными властными структурами.

Таким образом, можно констатировать, что молодежные экстремистские движения вступили в новую фазу и противостояния с обществом и государством, и в борьбе за умы и настроения молодежи. Молодежный экстремизм в российском обществе эволюционирует от традиционного к гибриднему. Если в 90-е гг. XX в. молодежные экстремистские организации действовали в кооперации со «взрослыми» движениями (РНЕ, НБП и т.д.), характеризовались приверженностью к использованию принципа организационной иерархии, на втором этапе были ориентированы на массовость участия, третья генерация молодежных экстремистских организаций отмечена гибридностью, текучестью организационных форм и большим мобилизационным потенциалом за счет использования сетевых форм.

В контексте внутренних и внешних вызовов российскому обществу молодежные экстремистские движения становятся объектом пристального внимания со стороны акторов внешнего влияния, на них возлагаются надежды российской несистемной оппозиции. В стремле-

нии мобилизовать молодежь на борьбу с социальной несправедливостью, коррупцией, бюрократизмом, ущемлением прав и свобод молодежи просматривается тенденция создать новые формы коллективного поведения и коллективного действия, и это обстоятельство заставляет задуматься о необходимости анализа третьей генерации молодежных экстремистских организаций в России.

Методы

Операционализируемые социологические парадигмы исследования молодежных экстремистских движений в российском обществе опираются в основном на американский и европейский опыт зарождения массовых молодежных движений 60–70-х гг. XX в., основанных на структурно-функциональной модели исследования. Отсюда делается акцент на выявлении социального состава, способов организации, заявленных функций. Причем констатируется, что молодежный экстремизм в российском обществе связан с негативными процессами социальной поляризации и социальной дезинтеграции, имеющей последствием маргинализацию молодежи по социальному, социально-территориальному, этносоциальному статусу. Признавая важность исследований, проведенных видными российскими социологами Ю.А. Зубок, В.В. Чупровым (2009), Б.А. Ручкиным (1998), Вл.А. Луковым (2011), и значимость научных интерпретаций структурно-функционального аспекта в деятельности экстремистских организаций, можно сделать вывод о том, что в нынешней ситуации актуальность обретает парадигма новых общественных движений, которая опирается на соотнесение молодежного экстремизма с нормами, ценностями, социальной субъектностью.

Таким образом, молодежные экстремистские организации в российском обществе нуждаются в осмыслении как структуры деятельности, имеющие нормативно-ценностные основания в дисперсности и амбивалентности неформальных регуляторов деятельности. Кроме того, учитывая расширение экстремистского сегмента в Интернете объектом социологического анализа становятся способы мобилизации ресурсов (флешмоб, интернет-челленджи, фейковые новости, мемы и т.д.) (Барков, 2016).

Исходя из операционального определения молодежных экстремистских организаций как структур коллективного действия, направленных на сопротивление государственным и общественно-политическим институтам в контексте повышения уровня напряженности в обществе и конфликта молодежи с властными структурами,

методология исследования определяется выведением показателей политической активности, интенсивности контактов в экстремистской среде, применением новых сетевых технологий, выдвижением «контринициатив» в рамках внешне аполитичных социальных движений.

Значимым для исследовательского дискурса является также то, что в рамках этой парадигмы актуальным становится анализ ядра экстремистских организаций, которое характеризуется корпусом профессиональных активистов, имеющих незафиксированный статус и осуществляющих стратегию мобильности в целях инициирования конфликтных ситуаций. Речь идет о присутствии и влиянии возможных конфликтных точек на территории России и ближнего зарубежья. В этой связи можно говорить о том, что третья генерация молодежных экстремистских организаций представляет рефлексивное сообщество, действующее в координации с зарубежными организациями аналогичного типа.

Определяя понятие «молодежные экстремистские организации третьей генерации», следует отметить, что речь идет о преобразовании из движения в организацию в рамках процесса институционализации, что требует актуализации процедур неинституционального подхода. Поэтому в рамках реализации задачи исследования необходимо констатировать уровень регулярности политических и социальных акций, создание временных коалиций, неформальных регуляторов, усиливающих конкурентность в борьбе за влияние в молодежной среде.

Характерно, что молодежные экстремистские организации третьей генерации действуют двунаправленно: ориентированы на оптимальный уровень легализации в целях приобретения формально-правового иммунитета и расширения действия неформальных норм коллективного поведения, соответствующих принятым установкам и ожиданиям.

В этой связи актуальным является определение различий между традиционными и инновационными способами организации экстремистских структур, претендующих на роль субъекта политического действия в молодежной среде. Иными словами, третья генерация молодежного экстремизма основывается на использовании широкого спектра возможностей для роста репутационного капитала. Выявление организационных и мотивационных факторов становится ключевым для объяснения новых векторов молодежного экстремизма в российском обществе. При этом следует принимать во внимание многоукладность молодежного экстремизма, в пространстве которого сохраняют значимые позиции традиционные националистические и религи-

озные движения, создающие конфликтные прецеденты в региональных и локальных сообществах. Это особенно проявляется в Северо-Кавказском регионе, учитывая насаждение идеологии исламизма в молодежной среде. Таким образом, третья генерация экстремистских организаций представляет феномен сетевого общества, ориентированного на использование парадигмы политического постмодерна, ребрендинга, инклюзии в проблемное поле гражданской активности, присоединения к действующим легальным гражданским структурам. По сравнению с организациями первой и второй генерации экстремистской направленности отчетливо проявляется отход от стратегии массовости, организационной иерархии, предпочтение динамичных форм организованности стабильным, иерархически построенным структурам. Отсюда можно констатировать, что методология исследования, опираясь на парадигму новых движений, включает процедуры неинституционального и деятельностно-активистского анализа.

Результаты

Следует подчеркнуть, что молодежные экстремистские организации стремятся сохранить код коллективного действия, но при этом проявление активности ситуативно, возрастает в зонах социальной и этнонациональной напряженности. Соглашаясь с данным утверждением, требуется внесение корректив в анализ деятельности организаций третьей генерации, наблюдается расширение проблемного поля (экологический, гендерный, культурный экстремизм). Новационность молодежного экстремизма состоит в том, что в нынешней ситуации исчезает массовый социальный адресат и тем самым размывается социально-демографическая специфика молодежного экстремизма. Это выражается в том, что организации третьей генерации основываются на формуле малых эффективных групп, обращены к рекрутированию участников из сети Интернет, а конкретно из социальных сетей. Согласно данным Роскомнадзора, в пространстве Интернета действуют 120 сайтов экстремистской направленности, имеющих постоянную аудиторию 4–5 млн чел. (Федеральная служба ... , 2014).

Данный фактор определяет трансформацию экстремистских организаций в альянс сетевого и реального действия. Использование коммуникативных технологий характеризует создание специфических механизмов активности в том, что российские социологи классифицируют как альтернативную коммуникацию (Российское общество ... , 2015). Перевод виртуальной активности в реальную для экстремистских организаций третьей генерации является приоритетным. Несмот-

ря на слабость социальных связей и нерегулярность интернет-общения на экстремистских сайтах и форумах в социальных сетях, вырабатываются технологии привлечения активных участников, создаются зоны плотных контактов и, как следствие, организационно действуют постоянное ядро и меняющийся состав участников в рамках критических показателей, достаточных для проведения внесистемных акций (Кубякин, 2011).

Если для традиционных экстремистских организаций важным являлось привязывание массовых акций к волнующим общество проблемам и датам, организации третьей генерации конструируют кризисную ситуацию, используют случай и повод для выхода в сферу конфликтности с государственными структурами. Это подтверждается тем, что сетевая активность направлена на мониторинг «порок власти» и в современной кризисной ситуации используется парадигма веера возможностей. Профессиональные активисты, ядро экстремистских организаций, используют информационные и мобилизационные ресурсы Интернета в целях дестабилизации ситуации в конкретных регионах и локальных социумах. Очевидно, что технологии сетевого обмена нацелены на «приращение» участия, на расширение конфликтности путем перемещения масс активистов, что было классически продемонстрировано в 2007–2012 гг. Десанты численностью 2–3 тыс. чел. создавали массовый протестный фон и привели к прямым акциям, направленным на «осаду» структур власти. «Химкинская модель» была взята в качестве парадигмы действия в последующий период (Ярославль, Волгоград, Петрозаводск).

Важным условием формирования новых организационных структур является создание групп конфликтных проектов, направленных на расширение диапазона влияния. Примечательно и то, что новые проекты реализуются под привычными молодежи слоганами и маркерами, в том числе с использованием методов маркетинга и PR.

Другими словами, экстремистские организации третьей генерации вырабатывают стратегию коллективного действия, не обращаясь к технологиям работы с дифференцированными группами молодежи. Учитывая высокий показатель интернет-пользования в России (70 % россиян) (Российское общество ... , 2015), последовательность организационных действий состоит в том, чтобы реализовать стратегию создания и перехода проектов, реагировать на актуальные или модные в молодежной среде проблемы, использовать феномен парадоксального человека в российском обществе, который, согласно определению Ж.Т. Тощенко, на уровне массового сознания и поведения демонстри-

рует потерю доверия к государству, но, с другой стороны, перекладывает ответственность за решение жизненных коллизий на протекционистскую роль государства (Тощенко, 2001).

Это важный момент для понимания того, что в стратегиях экстремистских организациях третьей генерации практически исчез социально-анархистский акцент: признавая силу государственного аппарата, реализуется метод поиска слабых мест, трещин, расколов. Одновременно создается негативный информационный фон для реализации протестных акций. В этом контексте смысл обретает мультипликативность протестных действий, когда вовлеченными в конфликт оказываются не только государственные институты, но и церковь, общественные организации, семья и школа.

Иными словами, современный молодежный экстремизм корректировал коллективное действие в пользу многообразия активистского потенциала, предлагая массу малых протестных акций, в том числе виртуальных, призванных, как полагают профессиональные активисты, распылить силы правопорядка, привести к сбоям судебной системы перед валом административных дел, а с другой стороны, держать в поле внимания различные группы молодежи, вызывая у них интерес к протестному акционизму (Сериков, 2014).

При этом в организациях третьей генерации размыта роль лидера, приоритетное значение приобретает подбор исполнителей конкретных акций. Характерно, что в рамках политического и психологического тренинга, проводимого зарубежными «гражданскими экспертами», основное внимание уделяется подготовке кадров по антикризисному управлению организациями, созданию солидного резерва взаимозаменяемых активистов в целях подстраховки от административного или юридического преследования.

Совершенно очевидно, что организации третьей генерации не сосредоточены на соблюдении идеологических маркеров по типу идейных традиционалистов, разведенных по политико-идеологическому признаку. В новых практиках экстремистской деятельности в молодежной среде заметным является расширение интереса молодежи к акциям вне идеологии, формируемым как запрос на новое поколение (мобилизация молодежи на антикоррупционные, экологические протесты или протесты против блокировки «Телеграма»).

Использование парадоксальности российской молодежи экстремистскими активистами состоит в том, что недоверие молодежи к институциональной системе, ее политическая апатия переводятся в позиционирование протеста против бюрократизма властной системы, яко-

бы пренебрегающей интересами молодежи, ее стремлением к социальной самореализации в формах «драйва», акционизма.

Наблюдается фрагментация экстремистской среды через создание внешне конкурирующих малых структур, но имеющих центр координации на уровне сетевого пространства. Также весьма интересным является принцип участия, когда с целью избежать внутренней конфликтности задаются либеральные параметры участия с использованием позиций сочувствия и интереса к экстремистским идеям 10–12 % аполитичной молодежи.

Этот вывод подтверждается тем, что делается акцент на коммуникативных запросах молодежи, на приоритете общения, самореализации (Российское общество ... , 2015), когда инициируется готовность к участию во внесистемных акциях на фоне утверждения допустимого поведения, не влекущего правовые последствия, с другой стороны, используется то, что для участников важным является не позиция сторонников экстремистских организаций, а действия против, демонстрация публичного неодобрения по сравнению с позицией конформизма. Можно констатировать, что молодежные экстремистские организации третьей генерации сохраняют преемственность бойкота и конфронтации с государственными институтами, но «новизна» выражается в использовании малых мобильных организационных форм, реализации поддерживаемых спонсорами, но имеющих форму самостоятельной инициативы протестных проектов, в переходе к «участию без лидерства».

Обсуждение

Активизм молодежных экстремистских организаций третьей генерации может внешне казаться чередой кратковременных акций, но результирующий момент определяется ростом дисперсной напряженности, конструированием локальных очагов социальной напряженности, способных создать системный дестабилизирующий эффект. Очевидно, что российские социологи, диагностируя молодежный экстремизм как пространство политически дифференцированных организаций (левоэкстремистские, националистические, религиозно-фундаменталистские), уделяют недостаточно внимания становлению малых экстремистских структур, делающих амбивалентными критерии участия, лидерства. И вместе с тем, признавая негативный характер «реваншистских» настроений среди молодежи, воспроизводство экстремизма на социальной или национальной почве, нельзя не отметить, что влияние молодежных экстремистских организаций третьей генерации перемещается от социально-маргинальных слоев молодежи, в

большей степени ориентированной на внутрисредовые конфликты, к социально самодостаточной молодежи, это наблюдается при установлении связи между футбольными фанатами и политическим экстремизмом.

На основе сделанных выводов очевидно, что дискуссионное поле молодежного экстремизма формирует запрос на определение концептуальных и социально-практических рамок обсуждения, на отказ от доминирования экспертных оценок и суждений, исходящих из причин экстремизации, которые кроются только в молодежном нигилизме или фанатизме. Молодежные экстремистские организации третьей генерации показывают актуальность дискуссии в рамках социального и политического постмодерна, изучения влияния новых общественных движений на тактику и стратегию молодежного экстремизма в России, понимание эффектов виртуализации социальных коммуникаций и возможностей интерпретации информационных ресурсов в деятельности молодежных экстремистских организаций.

Заключение

Отмечая необходимость и сложность налаживания постоянного диалога общества и власти в контексте внутренних и внешних вызовов, стоящих перед российским обществом, можно сделать вывод о том, что активность молодежных экстремистских организаций третьей генерации вносит принципиально новые дестабилизирующие факторы в настроение и поведение российской молодежи. Речь идет о мобилизации внешне аполитичной, но парадоксально мыслящей молодежи в кратковременные протестные акции, имеющие тенденцию расширенного воспроизводства, вовлечения в экстремистскую активность по принципу нерегулярного участия при постоянном ядре профессиональных активистов. Отсюда можно сделать вывод о том, что антиэкстремистская направленность государственной молодежной политики требует концентрации усилий и на создании малых форм антиэкстремистской деятельности в виртуальном пространстве, и на реализации привлекающих молодежь «контрпроектов».

Литература

Барков Ф.А., Сериков А.В. Символическая агрессия как индикатор и фактор межэтнической напряженности (на материалах эмпирического исследования) // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17, № 1. С. 77–87.

Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход

References

Barkov F.A., Serikov A.V. (2016). Symbolic aggression as an indicator and factor of inter-ethnic tension (on materials of empirical research). *Gumanitariy Yuga Rossii*. Vol. 17, No. 1. P. 77-87.

Kirdina S.G. (2012). Civil Society: Depar-

от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М., 2015. 342 с.

Кубякин Е.О. Информационный экстремизм как феномен социокоммуникативной реальности XXI в // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 25–27.

Луков В.А., Луков Вл.А., Захаров Н.В. Ценностные ориентации российской молодежи в свете теории ценностей // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2011. № 2 (121). С. 19–26.

Российское общество и вызовы времени. Книга 2. М., 2015. 432 с.

Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90–98.

Ручкин Б.А. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 30–40.

Сериков А.В., Барков Ф.А. Протестные настроения в контексте обеспечения национальной безопасности на Юге России (на примере Ростовской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 6 (47). С. 121–129.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001. 398 с.

Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 6–11.

Халий И.А. Современные общественные движения. М., 2007. 299 с.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. 305 с.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/treatments/p459/p750/>.

ture from Ideologeme. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 63-73.

Kravchenko S.A. (2015). Sociological knowledge through the prism of "the arrow of time". M. 342 p.

Kubyakin E.O. (2011). Information extremism as a phenomenon of the sociocommunication reality of the XXI century. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. No.1. P. 25-27.

Lukov V.A., Lukov V.A., Zakharov N.V. (2011). Value orientations of Russian youth in the light of the theory of values. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo un-ta*. No. 2 (121). P. 19-26.

Russian society and the challenges of time (2015). Book 2. M. 432 p.

Ruchkin B.A. (1998). Youth and the formation of a new Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 90-98.

Ruchkin B.A. (2005). Youth as a strategic resource for the development of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 1. P. 30-40.

Serikov A.V., Barkov F.A. (2014). Protest moods in the context of ensuring national security in the South of Russia (on the example of the Rostov region). *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. No. 6 (47). P. 121-129.

Toshchenko Zh.T. (2001). The paradoxical man. M. 398 p.

Turen A. (2004). Sociology without Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7. P. 6-11.

Khaliy I.A. (2007). Modern social movements. M. 299 p.

Chuprov V.I., Zubok Yu.A. (2009). Youth extremism: essence, forms of manifestation, trends. M. 305 p.

The Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications. Available at: <https://rkn.gov.ru/treatments/p459/p750/>.

Поступила в редакцию

7 мая 2018 г.